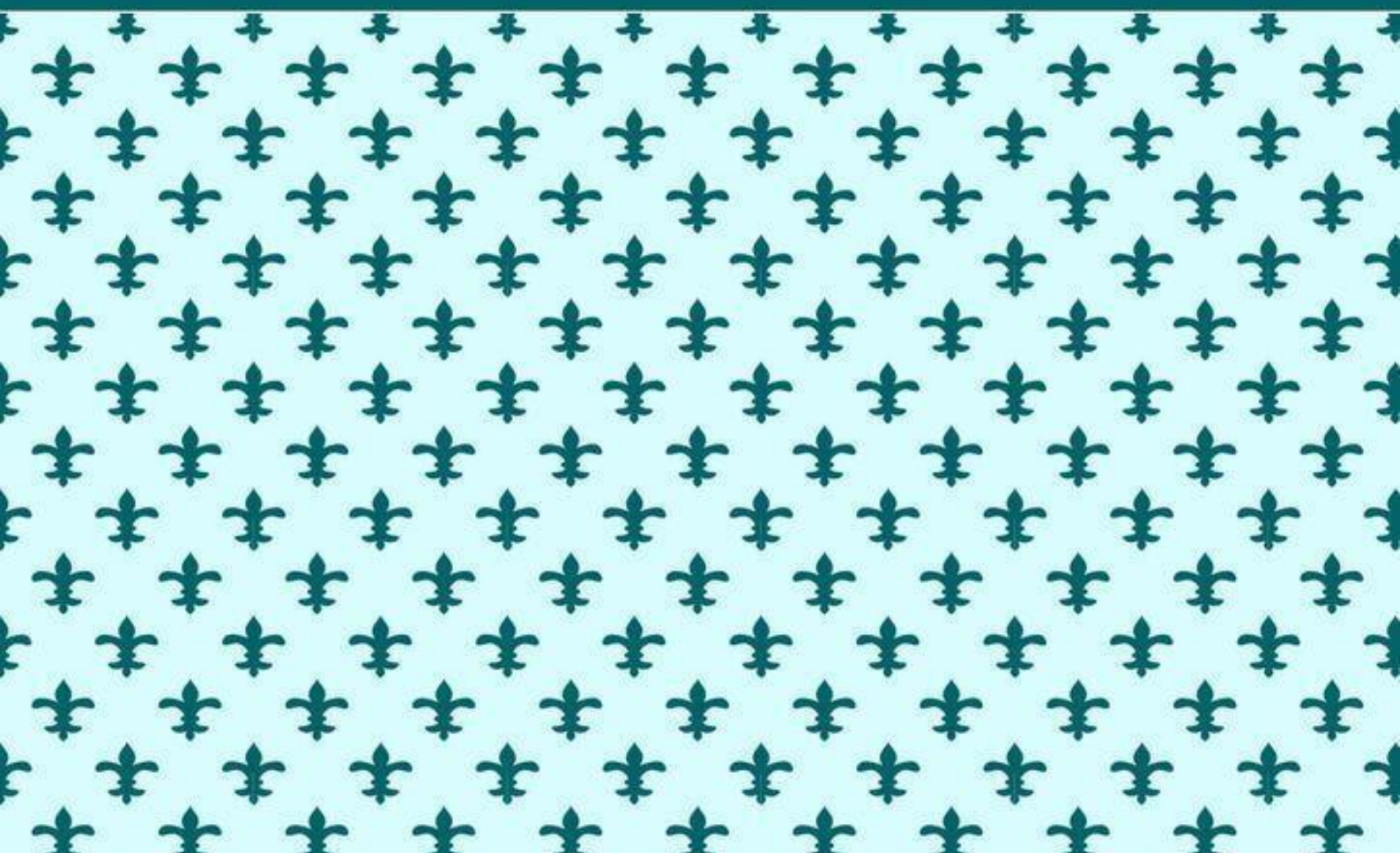

18+ Катерина Пшонка

Ведьма из посёлка

Страх, колдовство и тайна

Катерина Пшонка

**Ведьма из посёлка. Страх,
колдовство и тайна**

«Издательские решения»

Пшонка К. С.

Ведьма из посёлка. Страх, колдовство и тайна / К. С. Пшонка —
«Издательские решения»,

В маленьком посёлке все знают друг друга, поэтому странности Нины Петровны быстро становятся предметом разговоров. Люди начинают замечать, что в их семьях происходят неприятности: исчезают деньги, рушатся планы, появляются ссоры и неудачи. И постепенно в посёлке рождается страшная догадка — Нина Петровна не просто старушка. Она ведьма. Но что, если люди ошибаются? И к чему приведёт страх, когда слухи окажутся сильнее здравого смысла?

© Пшонка К. С.

© Издательские решения

Содержание

Ведьма из посёлка	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ведьма из посёлка Страх, колдовство и тайна

Катерина Сергеевна Пшонка

© Катерина Сергеевна Пшонка, 2026

ISBN 978-5-0071-0090-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ведьма из посёлка

Катерина Пшонка

Глава 1

Посёлок был маленьким и тихим. В нём стояло всего несколько десятков домов, расположенных вдоль одной длинной улицы и нескольких небольших переулков. Здесь все знали друг друга с детства: кто у кого родился, кто куда уехал, кто чем занимается и какие проблемы скрывает за закрытыми дверями.

Дома в посёлке были разные. У кого-то стоял крепкий деревянный дом, который хозяева бережно ремонтировали каждый год, а у кого-то — старенькая постройка с облупившейся краской и покосившимся забором. Почти возле каждого дома находились огороды, сараи и небольшие хозяйства. Люди выращивали овощи, держали кур, коров, иногда свиней или другую живность.

Весной улицы наполнялись запахом земли и свежей травы. Летом возле домов цвели цветы, а в садах зрели яблоки и вишни. Осенью жители собирали урожай, готовили заготовки на зиму и делились друг с другом тем, чего было больше. Зимой посёлок становился особенно тихим: снег укрывал дороги, из труб домов поднимался дым, а вечерами в окнах горел тёплый свет.

Работы в посёлке почти не было. Молодёжь постепенно уезжала в город учиться или искать заработок, а оставались в основном старики и взрослые люди, которые привыкли к своему спокойному образу жизни. Многие жили за счёт хозяйства: выращивали продукты для себя, что-то продавали и старались справляться своими силами.

В центре посёлка находилось самое оживлённое место — небольшой магазин и рядом с ним маленькое кафе. Именно здесь жители встречались почти каждый день. Кто-то заходил купить хлеб и молоко, кто-то выпить чаю, а кто-то просто посидеть и поговорить.

Именно возле магазина чаще всего появлялись новости. Там обсуждали урожай, погоду, детей, цены, соседей и всё, что происходило в посёлке. Иногда разговоры были добрыми, люди вспоминали прошлое и помогали друг другу советом. Но бывало и иначе: за обычными беседами скрывались зависть, старые обиды и недовольство.

В посёлке редко происходило что-то необычное. Каждый день был похож на предыдущий: утром люди занимались хозяйством, днём работали во дворе или ходили в магазин, а вечером возвращались домой.

Казалось, что это самое спокойное место на свете — уголок, где все друг друга знают и где ничего страшного никогда не может случиться.

Но за внешним спокойствием у каждого дома были свои тайны. Кто-то скрывал семейные проблемы, кто-то устал от бедности, кто-то завидовал соседям, а кто-то просто боялся признаться самому себе, что его жизнь зависит не от других людей, а от собственных решений.

И именно в этом маленьком посёлке, среди привычных улиц, старых домов и знакомых лиц, однажды началась история, которая заставила людей увидеть не чужие ошибки, а собственные страхи.

Среди жителей посёлка жила одна старушка — Нина Петровна. Ей было восемьдесят лет, но, несмотря на преклонный возраст и тяжёлую боль в ногах, она оставалась удивительно добрым и светлым человеком. Казалось, что годы не смогли забрать у неё самое главное — способность видеть в людях хорошее и относиться к окружающим с теплом. Она никогда не проходила мимо чужой беды, не оставалась равнодушной, если кому-то было тяжело, и всегда находила несколько добрых слов даже тогда, когда самой ей приходилось непросто.

Внешне Нина Петровна была обычной пожилой женщиной. Её седые волосы всегда были аккуратно собраны в небольшой пучок, а лицо покрывали тонкие морщинки, оставленные годами труда, забот и переживаний. Но эти морщинки не делали её строгой — наоборот, они придавали ей особую мягкость. В добрых глазах старушки всегда оставалось тепло, которое замечали даже незнакомые люди. Когда она разговаривала с кем-то, то смотрела внимательно и спокойно, будто действительно слышала и понимала собеседника.

Нина Петровна была из тех людей, которые привыкли заботиться не только о себе, но и о других. Она считала, что в жизни самое важное — оставаться человеком, независимо от возраста, достатка или обстоятельств. Если у соседки болела спина и та не могла справиться с домашними делами, Нина Петровна старалась помочь чем могла. Она могла принести баночку варенья, приготовленного своими руками, свежие пирожки или просто зайти и спросить:

— Как ты сегодня? Может, тебе чем-нибудь помочь?

Если у кого-то случалась неприятность в хозяйстве, она тоже не оставалась в стороне. Могла посоветовать, где найти помощь, поделиться своими запасами или просто поддержать добрым словом. Для неё не существовало по-настоящему чужих проблем, потому что она верила: если люди живут рядом, они должны помогать друг другу.

Часто соседи удивлялись, откуда у пожилой женщины столько терпения и доброты. Ведь у самой Нины Петровны тоже хватало трудностей. Ей было тяжело ходить, ноги с каждым годом болели всё сильнее, а простые домашние дела иногда требовали больших усилий. Но она не любила жаловаться и старалась не показывать, насколько ей трудно.

Когда кто-то спрашивал её о здоровье, она обычно улыбалась и отвечала:

— Всё хорошо, пока Бог даёт силы.

А ещё часто повторяла:

— Пока можешь кому-то помочь — значит, у тебя есть силы жить.

Эти слова полностью отражали её характер. Нина Петровна не измеряла жизнь количеством денег, вещей или удобств. Для неё счастье заключалось совсем в другом — в возможности проснуться утром, услышать голос дочери, увидеть солнце за окном, полить любимые цветы и приготовить что-нибудь вкусное для тех, кто ей дорог.

В молодости Нина Петровна была совсем другой — энергичной женщиной, у которой было много забот и ответственности. Она рано научилась трудиться и никогда не боялась тяжёлой работы. На её плечах были дом, семья, ребёнок и множество ежедневных дел. Она вставала рано утром, занималась хозяйством, работала, готовила еду, стирала, воспитывала дочь и старалась сделать всё возможное, чтобы в доме было тепло и уютно.

Она привыкла отдавать больше, чем брать. Если семье было нужно что-то купить, в первую очередь думала о близких. Когда кому-то требовалась помощь, находила время даже тогда, когда собственных забот было достаточно. За всю жизнь она так и не научилась жить только для себя.

Жители посёлка хорошо знали Нину Петровну. Они помнили её ещё молодой женщиной, когда она ходила по улицам с дочерью, когда её дом всегда был открыт для гостей, а во дворе пахло свежей выпечкой. Никто никогда не слышал, чтобы она с кем-то серьёзно ссорилась или желала кому-то зла.

Даже если кто-то поступал с ней несправедливо, старушка редко держала обиду. Она могла расстроиться, могла заплакать, но спустя время всё равно говорила:

— У каждого человека свои трудности. Может, ему просто тяжело.

Когда ноги стали болеть настолько сильно, что каждый шаг начал даваться с трудом, Нина Петровна не хотела становиться обузой для других. Она не привыкла постоянно просить помощи и по-прежнему старалась справляться самостоятельно. Утром медленно вставала, готовила себе завтрак, принимала лекарства, убирала в доме и занималась своими маленькими делами.

Её дом был отражением её души — простой, но очень уютный. Там всегда было чисто, спокойно и тепло. На подоконниках стояли горшки с цветами, за которыми хозяйка ухаживала с особой любовью. Она разговаривала с ними, словно с живыми существами, радовалась каждому новому листочку и каждому распустившемуся цветку.

На кухне часто пахло травяным чаем, сушёными ягодами и домашней выпечкой. Даже когда Нине Петровне было тяжело, она старалась сохранить в доме ту атмосферу уюта, которая сопровождала её всю жизнь.

Её дочь давно выросла и уехала жить в большой город. Она устроила свою жизнь, работала и создала собственную семью. Нина Петровна гордилась ею и никогда не завидовала тому, что дочь теперь далеко. Она понимала: дочь должна идти своим путём.

Старушка не требовала от неё постоянного внимания и не хотела становиться для неё тяжёлой обязанностью. Ей было достаточно услышать голос дочери по телефону, узнать, что у неё всё хорошо, и почувствовать, что она помнит о матери.

Каждые выходные Кира старалась приезжать к матери. Она помогала по дому, привозила продукты, проверяла здоровье Нины Петровны и всегда переживала за неё.

Но сама старушка старалась скрывать свои трудности, чтобы лишний раз не тревожить дочь.

— Не переживай за меня, доченька, — говорила она. — Я справляюсь.

И она действительно старалась держаться самостоятельно. Потому что Нина Петровна всю жизнь была человеком, который не ждал, что кто-то придёт и решит её проблемы. Она просто жила, делала добро и верила, что даже маленькая помощь может изменить чей-то день.

По соседству с Ниной Петровной жили Кузнецовы — Мария и Алексей. Это была обычная семья для их маленького посёлка, каких здесь было немало. Они прожили вместе много лет, построили свой дом, вырастили детей и прошли через разные времена. Когда-то супруги были совсем другими: молодыми, полными надежд и уверенными, что впереди их ждёт спокойная и счастливая жизнь.

Марии было около пятидесяти лет. Она всегда считалась женщиной хозяйственной и энергичной. С раннего утра была занята делами: ухаживала за домом, занималась огородом, следила за хозяйством. Мария умела всё делать своими руками и никогда не боялась работы. В посёлке многие знали, что если нужно что-то приготовить, заготовить на зиму или привести в порядок хозяйство, она обязательно справится.

Её двор всегда выглядел ухоженным. Возле дома росли цветы, летом зеленели грядки, а в сарае была живность. Мария любила, когда всё лежит на своих местах, когда в доме чисто, а в хозяйстве порядок. Иногда соседки даже говорили, что она могла бы быть примером хорошей хозяйки.

Но за этой внешней уверенностью скрывался совсем другой человек. Мария часто чувствовала усталость от жизни и постоянных трудностей. Ей казалось, что она старается больше всех, а получает меньше, чем заслуживает. Глядя на окружающих, женщина невольно сравнивала их жизнь со своей.

Если кто-то в посёлке покупал новую мебель, делал ремонт или помогал детям устроиться в городе, Мария обязательно это замечала. Она могла улыбнуться и поздравить человека, но где-то глубоко внутри появлялось неприятное чувство:

«Почему у них получилось, а у нас нет?»

Себя завистливым человеком Мария не считала. Она была уверена, что просто хочет справедливости. Ей казалось, что она много работала всю жизнь, но почему-то так и не смогла получить то, о чём мечтала в молодости.

Когда-то у неё были большие планы. Она надеялась, что дети вырастут, семья станет жить лучше, появятся деньги, возможность ездить отдыхать и не думать постоянно о расходах. Но годы шли, а жизнь оставалась почти такой же.

Дети выросли и уехали учиться в город. Они приезжали только на выходные, и дом постепенно становился пустым. Мария скучала по тем временам, когда вокруг неё была семья, в комнатах звучали детские голоса и казалось, что впереди ещё множество возможностей.

Со временем её характер начал меняться. Постоянные переживания, усталость и недовольство сделали женщину более резкой. Она всё чаще искала причины собственных проблем не в обстоятельствах и своих решениях, а в окружающих людях.

Мария очень любила разговоры. В маленьком посёлке новости распространялись быстро, а она всегда знала, что происходит у соседей. Кто заболел, кто купил что-то новое, кто поссорился в семье — всё это обсуждалось за чашкой чая.

Не всегда она делала это со злым умыслом. Иногда ей просто не хватало общения, хотелось почувствовать себя частью жизни посёлка. Однако постепенно обычные разговоры всё чаще превращались в обсуждение чужих недостатков.

Она могла сказать:

— Вот у людей всё получается, а у нас почему-то нет.

И сама не замечала, как всё сильнее погружалась в недовольство собственной жизнью.

Её муж Алексей, которого все в посёлке называли Алёшей, был совсем другим человеком. Он отличался спокойным характером, был мягким и неконфликтным. В молодости его уважали за трудолюбие. Он умел работать руками, был ответственным и никогда не отказывался помочь, если кто-то обращался к нему за поддержкой.

Но с годами в нём что-то изменилось. Постоянные неудачи, отсутствие перспектив и ощущение, что жизнь стоит на месте, постепенно подорвали его уверенность в себе.

Алёша часто думал, что уже слишком поздно что-то менять. Ему казалось, что городская жизнь ему не подходит и новые возможности уже не для него. Вместо того чтобы искать выход, он всё чаще предпочитал забыться и хотя бы ненадолго уйти от проблем.

Алкоголь стал для него способом отгородиться от реальности. Сначала это были обычные посиделки с друзьями и разговоры после тяжёлого дня, но постепенно такое времяпрепровождение превратилось в привычку.

Мария часто ругалась с ним из-за этого.

— Ты бы лучше о семье думал, а не с мужиками сидел, — говорила она.

Алёша обычно молчал, опускал глаза и обещал, что всё изменит. Но проходило время, и всё возвращалось на круги своя.

Несмотря на свои слабости, Алексей не был плохим человеком. В нём по-прежнему оставалась доброта. Он мог помочь соседу, пожалеть животное или поддержать человека в трудную минуту. Просто ему не хватало внутренней силы, чтобы по-настоящему бороться со своими проблемами.

Ему было проще поверить тому, кто говорил увереннее, чем самостоятельно принять решение. Если Мария в чём-то была убеждена, он часто соглашался, даже когда внутри оставались сомнения.

Он знал, что многое зависит от него самого, но признать это было тяжело. Алёша привык идти за чужим мнением и постепенно тоже начал верить, что гораздо проще обвинить кого-то другого, чем честно признаться самому себе в собственных ошибках.

С другой стороны дома Нины Петровны жили Шляпины — Ирина и Иван. Они были такими же, как Кузнецовы, или почти такими.

Шляпины много лет прожили вместе и, как большинство жителей посёлка, привыкли к спокойной, размеренной жизни. Их дом выглядел аккуратно, двор был ухоженным, а хозяйство всегда находилось под контролем. Со стороны могло показаться, что супруги вполне довольны своей жизнью и ни о чём особенно не переживают.

Ирине было около пятидесяти лет. Это была сильная, энергичная женщина, привыкшая держать всё в своих руках. В посёлке её также знали как хорошую хозяйку. Она рано вставала,

занималась домом, следила за огородом, ухаживала за животными и всегда знала, что и когда необходимо сделать.

Беспорядок Ирина не любила и считала, что в доме всё должно находиться на своих местах. Если кто-то из соседей просил совета, она охотно помогала, потому что ей нравилось чувствовать себя человеком, который знает ответы на любые вопросы.

Характер у неё был твёрдый. Ирина говорила прямо, не боялась высказывать своё мнение и редко прислушивалась к чужим советам. Ей казалось, что именно она лучше других понимает, как следует поступать.

Многие жители посёлка уважали её за такую уверенность. Они знали, что Ирина не из тех людей, кто будет сидеть сложа руки. Если требовалось помочь на огороде, приготовить что-то к празднику или разобраться с хозяйством, она всегда находила решение.

Однако за этой уверенностью скрывалась внутренняя неудовлетворённость. Ирина часто размышляла о том, что её жизнь могла сложиться совсем иначе. Ей казалось, что она слишком много трудилась, но так и не получила того, чего заслуживала.

Она смотрела на людей, у которых дела шли лучше, и невольно сравнивала себя с ними. Если кто-то покупал новую технику, делал ремонт или отправлял детей в город, Ирина замечала это и думала:

«Почему у других получается, а у нас нет?»

Завистливой себя она тоже не считала. Женщине казалось, что она просто видит несправедливость. Она часто говорила мужу, что они могли бы жить намного лучше, если бы обстоятельства сложились иначе.

Иногда такое недовольство превращалось в раздражение. Ирина с трудом признавала, что некоторые проблемы в их жизни зависели не от других людей, а от собственных решений.

Её муж Иван был полной противоположностью своей жены. Это был спокойный, тихий человек, который не любил ссор и предпочитал лишний раз промолчать. В посёлке его знали как доброго, но нерешительного мужчину.

Иван не любил спорить с Ириной. Если жена была в чём-то уверена, он чаще соглашался, даже когда внутри сомневался. Мужчина считал, что так проще сохранить мир в семье.

Когда-то Иван тоже мечтал о многом. Он хотел найти хорошую работу, улучшить жизнь семьи и сделать дом лучше. Но постепенно эти мечты стали казаться ему слишком далёкими.

Ему не хватало смелости что-то изменить. В голове часто звучала одна и та же мысль:

«А вдруг не получится?»

И вместо того чтобы попробовать, он оставался там, где был.

Главной проблемой семьи Шляпиных был не недостаток возможностей, а страх перемен. Они много говорили о том, что хотят жить лучше, больше зарабатывать и изменить свою жизнь, но каждый раз находили причины оставить всё как есть.

Ирина ждала, что появится кто-то или случится что-то, что исправит их положение. Иван боялся сделать шаг в неизвестность.

Они оба хотели лучшей жизни, но не понимали, что для этого нужно не искать виноватых вокруг, а самим брать ответственность за собственные решения.

На другой улице, немного дальше от дома Нины Петровны, жили Алина и Вася. Их семья была такой же обычной для маленького посёлка, как и многие другие. Они не были плохими людьми, у них имелись свои мечты, переживания и трудности, но именно эти страхи и чужое мнение нередко влияли на их решения.

Алине было около сорока пяти лет. Она была женщиной эмоциональной, впечатлительной и немного тревожной. С детства привыкла прислушиваться к тому, что говорят другие. Ей всегда хотелось знать, что происходит вокруг, понимать причины событий и чувствовать, что она способна защитить себя и свою семью.

Алина не была злым человеком. Она могла быть доброй, заботливой и внимательной к близким, любила свой дом, старалась создать в нём уют и переживала за мужа. Если у кого-то из соседей случалась беда, она могла искренне посочувствовать и предложить помощь.

Но у неё была одна слабость — женщина слишком легко верила чужим словам. Если кто-то рассказывал ей тревожную историю, Алина редко пыталась сначала проверить факты. Её воображение сразу начинало рисовать самые разные объяснения.

Иногда ей казалось, что за обычными событиями скрывается что-то большее. Услышав разговор соседей или заметив странное совпадение, она могла начать искать связь там, где её на самом деле не существовало.

Алина часто думала о будущем и переживала, что их семья живёт не так хорошо, как хотелось бы. Ей хотелось стабильности, денег и спокойствия. Она мечтала о красивом доме, о том, чтобы муж больше зарабатывал и чтобы им не приходилось постоянно думать о расходах.

Однако вместо поиска реальных способов изменить жизнь она иногда находила объяснение своим проблемам в обстоятельствах или других людях.

Делала она это не из злости. Алина действительно верила, что поступает правильно. В её голове это выглядело не как обвинение кого-то, а как попытка защитить себя и свою семью.

Её муж Вася был совсем другим человеком. Добродушный и простой, он пользовался уважением односельчан и никогда не отказывался от разговора или помощи, если к нему обращались.

Вася любил посидеть с друзьями после работы, поговорить о жизни и вспомнить старые истории. Иногда такие встречи заканчивались алкоголем, что постепенно стало одной из его проблем.

Он не был агрессивным и никогда не стремился причинить кому-либо вред. Наоборот, в нём было много мягкости и доброты. Но мужчине не хватало решительности: важные решения он часто откладывал, надеясь, что проблемы каким-нибудь образом исчезнут сами.

Вася мечтал о простом счастье: чтобы дома был мир, семья жила спокойно и его уважали. Но он не всегда понимал, что для этого необходимо самому делать шаги и менять свою жизнь.

Он боялся конфликтов и не любил идти против большинства. В маленьком посёлке мнение окружающих имело большое значение, и Вася, как многие другие жители, слишком часто думал о том, что скажут люди.

Кроме Нины Петровны, Кузнецовых, Шляпиных и Алины с Васей, в посёлке жили ещё десятки других людей. У каждого был свой дом, своя семья, свои привычки и собственная история. Со стороны могло показаться, что все они живут одной большой семьёй, ведь в маленьком посёлке невозможно было остаться незамеченным. Люди знали, кто чем занимается, у кого какие проблемы, кто с кем поссорился и кто кому помог.

Среди жителей были разные люди. Одни с утра до вечера работали в огороде, ухаживали за хозяйством и старались собственными руками построить лучшую жизнь. Они не жаловались на трудности и привыкли рассчитывать прежде всего на себя.

Другие быстро опускали руки. Они часто говорили, что жизнь несправедлива, что им просто не повезло и что у остальных всё получается намного легче. Такие люди мечтали о переменах, но боялись сделать первый шаг.

В посёлке были добрые и отзывчивые люди. Если у соседа ломался забор или заболела корова, они приходили помочь. Могли поделиться продуктами, инструментами или просто поддержать разговором в трудный момент.

Но встречались и те, кому больше нравилось наблюдать за чужой жизнью. Они любили сидеть возле магазина или в маленьком кафе, обсуждать соседей и строить догадки о том, чего на самом деле не знали.

Иногда обычный разговор незаметно превращался в пересказ слухов. Кто-то добавлял собственные предположения, другой преувеличивал услышанное, и постепенно простая история становилась совершенно иной.

У каждого жителя были свои проблемы, которые он старался скрывать от окружающих. Кто-то переживал из-за денег, кто-то из-за семейных ссор, а кто-то боялся признаться даже самому себе, что не справляется с жизнью так, как когда-то хотел.

Но была одна общая черта, которая постепенно становилась заметной у многих людей. Им намного проще было искать причину своих неудач во внешних обстоятельствах или в других людях, чем честно посмотреть на собственные поступки.

Если не хватало денег, легче было сказать, что виноваты обстоятельства. Если не получалось изменить жизнь, проще было обвинить кого-то рядом. Если человек сам боялся сделать шаг вперёд, ему было удобнее найти того, кто якобы мешает ему жить.

Так постепенно в посёлке появлялась привычка не искать решения, а искать виноватых.

А Нина Петровна в это время продолжала жить своей обычной жизнью. Каждый день, ближе к обеду, она медленно выходила из дома с ходулями. Ей было тяжело идти, ноги болели, но она помнила слова врачей о том, что движение необходимо.

Так все и жили.

Глава 2

Несколько лет назад здоровье Нины Петровны стало заметно ухудшаться. Больше всего её беспокоили ноги. Сначала она чувствовала лишь небольшую усталость после долгой ходьбы, потом появилась боль в коленях, а со временем каждый шаг стал даваться всё тяжелее. Иногда ей казалось, будто ноги налились свинцом и совсем не хотят слушаться.

Подняться с кровати утром было непросто. Она сначала долго сидела на краю, осторожно опуская ноги на пол, затем медленно вставала, держась за спинку кровати. Первые шаги всегда сопровождалась болью.

Дочь Кира всё чаще переживала за мать и однажды настояла, чтобы та снова поехала в районную больницу на приём к врачу.

После осмотра пожилой доктор внимательно посмотрел снимки, потом перевёл взгляд на Нину Петровну и спокойно сказал:

— Нина Петровна, возраст, конечно, берёт своё, но главная опасность сейчас не только в боли.

Старушка внимательно посмотрела на врача.

— А в чём же тогда? — тихо спросила она.

Доктор снял очки и положил их на стол.

— Если вы перестанете двигаться, мышцы ног начнут слабеть ещё быстрее. Суставы будут работать всё хуже. Чем меньше человек ходит, тем тяжелее ему становится снова начать двигаться.

Нина Петровна вздохнула.

— Но доктор... каждый шаг для меня — словно испытание.

Врач понимающе кивнул.

— Я знаю. Именно поэтому вы должны себя заставлять. Не через сильную боль, конечно, но каждый день обязательно двигаться. Пусть понемногу. Сегодня десять минут, завтра пятнадцать. Главное — ежедневно.

Она с тревогой посмотрела на него.

— А если не смогу?

Доктор ответил серьёзным голосом:

— Тогда болезнь будет прогрессировать намного быстрее. Вы начнёте всё больше сидеть дома, потом станет трудно вставать, а со временем можете совсем потерять возможность самостоятельно ходить. Этого нельзя допустить.

Нина Петровна молчала, крепче сжимая ручки своих ходулей.

— Запомните одну простую вещь, — продолжил врач. — Пока вы ходите — ваши ноги живут. Как только вы перестанете двигаться, они начнут слабеть ещё быстрее. Поэтому каждый день выходите из дома. Даже если не хочется. Даже если на улице дождь. Даже если кажется, что сегодня можно пропустить.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Иногда придётся буквально заставлять себя сделать первый шаг. Но именно этот первый шаг поможет сохранить остальные.

Нина Петровна кивнула.

— Хорошо, доктор. Я обещаю. Буду ходить каждый день.

Врач улыбнулся.

— Вот и правильно. Не нужно ставить рекорды. Идите медленно, отдыхайте, если понадобится, потом снова продолжайте. Ваше лечение сейчас — не только таблетки, но и движение.

Вернувшись домой, Нина Петровна долго думала над словами врача. Она понимала, что прогулки будут даваться ей нелегко, но ещё больше её пугала мысль однажды совсем перестать ходить.

С тех пор она дала себе обещание не пропускать ни одного дня. Каждое утро она принимала лекарства, а ближе к обеду брала свои ходули, глубоко вздыхала и тихо говорила самой себе:

— Ну что, Нина Петровна... пора. Доктор велел ходить, значит, будем ходить.

Иногда ноги болели так сильно, что ей хотелось остаться дома. Она подходила к двери, останавливалась и на несколько секунд закрывала глаза.

— Нет, нельзя, — шептала она себе. — Если сегодня останусь дома, завтра будет ещё тяжелее.

Она открывала дверь, осторожно выходила на улицу и делала первый шаг. Потом второй, третий. Медленно, с остановками, опираясь на ходули, она всё равно продолжала идти, потому что хорошо помнила слова врача:

— Пока человек движется, он борется за своё здоровье. Самое главное — не сдаваться.

Кроме больных ног, Нину Петровну уже много лет мучило высокое давление. Врачи не раз предупреждали её, что в её возрасте это очень опасно. Стоило пропустить лекарства хотя бы на день, как она сразу начинала чувствовать слабость. Голова становилась тяжёлой, в ушах появлялся звон, перед глазами иногда всё расплывалось, а сердце начинало биться быстрее обычного.

Именно поэтому таблетки стали такой же неотъемлемой частью её жизни, как утренний чай или ежедневная прогулка.

Каждое утро Нина Петровна просыпалась рано. Прежде чем заняться домашними делами, она первым делом доставала небольшой тонометр, который когда-то подарила ей дочь. Медленно надевала манжету на руку, нажимала кнопку и терпеливо ждала результата.

Когда цифры появлялись на экране, она внимательно смотрела на них.

— Ну вот... Сегодня вроде ничего, — тихо говорила она сама себе, если давление было в пределах нормы.

Если же показатели оказывались выше обычного, Нина Петровна лишь тяжело вздыхала.

— Значит, опять погода меняется...

После измерения давления она открывала небольшой пластиковый контейнер, в котором таблетки были аккуратно разложены по дням недели. Благодаря этому порядку старушка никогда не путалась в лекарствах и точно знала, что и когда нужно принять.

Она наливала стакан воды, спокойно выпивала лекарство и только потом принималась за домашние дела.

Этой привычке её научила дочь Кира.

Несколько лет назад, когда давление у матери резко поднялось и ей пришлось вызывать скорую помощь, Кира очень испугалась. Тогда врачи объяснили, что при гипертонии нельзя относиться к лечению легкомысленно.

С тех пор дочь стала особенно внимательно следить за здоровьем матери.

Каждые выходные Кира приезжала в посёлок. Она всегда заходила в дом с большими пакетами. В одном были продукты, в другом — всё необходимое для матери: лекарства, витамины, чай, иногда новые тёплые носки или любимые сладости.

Едва переступив порог, Кира первым делом спрашивала:

— Мамочка, как ты сегодня себя чувствуешь?

— Да ничего, доченька, понемногу, — улыбалась Нина Петровна.

— Давление измеряла?

— Конечно.

— Таблетки выпила?

— Выпила, не переживай.

Но Кира всё равно подходила к столу, открывала коробочку с лекарствами и внимательно проверяла, всё ли на месте.

— Мам, ты же знаешь, эти таблетки нельзя пропускать ни утром, ни вечером.

— Знаю, доченька.

— Обещай мне.

Нина Петровна улыбалась.

— Обещаю. Я ведь не маленькая.

Кира только качала головой.

— Для меня ты всегда будешь мамой, а я всё равно буду переживать.

После этого дочь снова измеряла матери давление, хотя прекрасно знала, что та уже делала это утром.

— Лучше проверить ещё раз, — говорила Кира. — Так мне спокойнее.

Нина Петровна никогда не обижалась на такую заботу. Наоборот, ей было очень тепло от мысли, что дочь так любит её.

Иногда она тихо говорила:

— Кирочка, сколько же ты обо мне заботишься...

— А как иначе? — отвечала дочь. — Ты всю жизнь заботилась обо мне. Теперь моя очередь.

Каждый раз перед отъездом Кира ещё раз пересчитывала лекарства, проверяла, сколько осталось таблеток, и обязательно покупала новые заранее, чтобы мама ни одного дня не оставалась без них.

— Мам, если вдруг увидишь, что лекарства заканчиваются, сразу звони мне. Не жди выходных.

— Хорошо, доченька.

— И обязательно пей их вовремя.

— Буду.

Кира прекрасно понимала, что именно эти маленькие белые таблетки помогают матери жить спокойнее. А Нина Петровна чувствовала другое: за каждой упаковкой лекарств стояла любовь дочери, её забота и желание как можно дольше видеть маму рядом.

Поэтому, принимая таблетки каждое утро и каждый вечер, старушка не просто выполняла назначения врачей. Для неё это стало ещё и обещанием, которое она дала самому дорогому человеку в своей жизни, — беречь себя и не пренебрегать собственным здоровьем.

Оставшись одна в доме после очередного отъезда дочери, Нина Петровна часто сидела у окна и молча смотрела на улицу. Она наблюдала, как ветер качает ветви деревьев, как по дороге проходят соседи, как дети, приехавшие на выходные к родителям, смеются и бегут по улице. В такие минуты она много думала о своей жизни.

Больше всего Нина Петровна боялась не старости. Она понимала, что годы никого не щадят, и давно смирилась с тем, что здоровье уже не будет таким, как прежде. Её пугало совсем другое — стать для своей дочери тяжёлой обузой.

Каждый раз, когда Кира приезжала в посёлок, мать замечала, сколько всего та успевает сделать для неё. Дочь привозила продукты и лекарства, помогала по дому, проверяла, всё ли в порядке, достаточно ли дров и не появилась ли где-нибудь протечка на крыше.

Старушка была бесконечно благодарна ей за эту заботу, но одновременно чувствовала лёгкую вину.

«У неё ведь своя жизнь, своя работа, свои заботы, — думала Нина Петровна. — А она каждую неделю едет столько километров только для того, чтобы проведать меня».

Иногда ей хотелось сказать:

— Доченька, не приезжай каждые выходные. Отдохни. Поживи для себя.

Но она знала, что Кира всё равно не слушает. Дочь слишком любила мать, чтобы оставить её одну.

Поэтому Нина Петровна старалась делать всё возможное, чтобы как можно дольше оставаться самостоятельной. Она не любила просить помощи без крайней необходимости. Даже если ей было тяжело поднять ведро с водой или донести сумку из магазина, она старалась справиться сама.

Ей казалось, что пока она сама готовит себе еду, убирает в доме, поливает цветы и выходит на прогулку, она ещё не потеряла свою независимость.

Иногда боль в ногах становилась такой сильной, что хотелось просто сесть и больше никуда не идти. Но тогда она вспоминала слова врача и лицо дочери.

«Нет, — говорила она себе. — Пока могу идти сама, буду идти».

Она понимала, что если однажды перестанет двигаться, ей станет намного тяжелее. Тогда Кира начнёт приезжать чаще, будет переживать ещё сильнее, а потом, возможно, и вовсе заберёт её к себе.

Нина Петровна очень любила дочь, но не хотела становиться причиной того, чтобы та жила только её заботами.

Иногда, сидя вечером за чашкой чая, она доставала старый семейный альбом. Осторожно перелистывала страницы, улыбалась фотографиям дочери, вспоминала мужа, молодость, шумный дом, праздники и семейные вечера.

Она тихо проводила рукой по фотографиям и шептала:

— Какие же вы у меня хорошие...

В такие минуты сердце наполнялось благодарностью. Нина Петровна понимала, что прожила жизнь не зря: дочь выросла добрым, честным человеком, нашла своё место в жизни и не забыла мать. Особенно часто её мысли возвращались к Кире.

«Как же мне повезло с дочкой, — размышляла Нина Петровна. — Не каждый родитель в старости получает столько заботы и любви».

Но вместе с благодарностью приходил и страх.

Она боялась того дня, когда уже не сможет самостоятельно подняться с кровати, приготовить себе завтрак или выйти на улицу. Боялась увидеть в глазах дочери не любовь, а усталость.

Хотя Кира никогда не давала для этого ни малейшего повода, материнское сердце всё равно тревожилось.

Именно поэтому каждое утро Нина Петровна заставляла себя вставать, принимать лекарства, брать ходули и выходить из дома. Для кого-то это была обычная прогулка, а для неё — маленькая ежедневная победа над возрастом, болью и страхом потерять самостоятельность.

Она не просила у жизни богатства или долгих лет. Ей хотелось только одного — как можно дольше самой открывать дверь своего дома, встречать новый день и знать, что пока она может сделать ещё один шаг, она по-прежнему остаётся хозяйкой своей жизни.

Каждый день, ровно в одно и то же время, ближе к обеду, Нина Петровна готовилась к своей небольшой прогулке. Это давно стало частью её жизни, почти таким же обязательным делом, как утренние таблетки или чашка горячего чая. Она старалась не пропускать прогулку без серьёзной причины, потому что хорошо помнила слова врача: движение — её главное лечение.

Перед тем как выйти из дома, Нина Петровна всегда неторопливо собиралась. Она проверяла, выпила ли лекарства, аккуратно поправляла платок на голове, надевала тёплую кофту, если на улице было прохладно, и несколько секунд стояла у двери, собираясь с силами.

Потом брала свои ходули.

Каждый раз, крепко сжимая их ручки, она тихо говорила самой себе:

— Ну что, Нина Петровна... пора идти. Доктор велел — значит, будем ходить.

Открыв дверь, она выходила во двор. Свежий воздух сразу касался её лица. На мгновение старушка останавливалась, смотрела на небо, прислушивалась к пению птиц или шуму ветра в деревьях, а потом делала первый шаг.

Он всегда давался тяжелее остальных.

Она осторожно переставляла ходули, переносила на них часть своего веса и только потом медленно делала шаг. Затем ещё один и ещё.

Со стороны казалось, будто она идёт очень медленно, но для самой Нины Петровны каждый метр был маленькой победой над болью.

Иногда ноги начинали ныть почти сразу. Колени словно не хотели сгибаться, а спина быстро уставала. Тогда она ненадолго останавливалась, переводила дыхание и тихо говорила себе:

— Немножко ещё... Не сдавайся.

После короткого отдыха она снова продолжала путь.

Сначала дорога вела к дому Кузнецовых. Нина Петровна давно привыкла именно к этому маршруту. Она знала каждую кочку, каждую трещину на дороге, каждое дерево вдоль улицы.

По пути она здоровалась почти со всеми, кого встречала. Кто-то работал возле дома, кто-то копался в огороде, кто-то ремонтировал забор.

Увидев старушку, люди обычно приветливо улыбались.

— Здравствуйте, Нина Петровна! — говорил кто-нибудь из соседей. — Опять на прогулке?

Она всегда отвечала одинаково спокойно и доброжелательно:

— Здравствуйте, мои хорошие, — улыбалась она. — Врачи велели ходить, вот и хожу.

— И правильно, — отвечали ей. — Движение — это жизнь.

— Дай Бог здоровья.

— Спасибо вам, — тихо говорила Нина Петровна.

Иногда соседи предлагали ей присесть на лавочку возле дома.

— Отдохните немного.

Она благодарила, ненадолго садилась, переводила дыхание и снова поднималась.

— Засиживаться нельзя, — с улыбкой говорила она. — А то ноги совсем ленивыми станут.

Старушка всегда старалась сохранить хорошее настроение, даже если боль становилась сильнее.

Дойдя до дома Кузнецовых, Нина Петровна обычно останавливалась на несколько минут. Она глубоко вдыхала свежий воздух, поправляла платок, смотрела вдаль на тихую улицу и только потом медленно разворачивалась обратно.

Теперь её путь лежал в другую сторону посёлка — к дому Шляпиных.

Эта часть дороги казалась ей чуть длиннее, потому что к этому времени ноги уже начинали заметно уставать. Иногда ей хотелось развернуться и вернуться домой раньше.

«Нет, — думала она. — Раз доктор сказал пройти весь путь, значит, нужно пройти».

Она крепче сжимала ручки ходулей и продолжала двигаться вперёд.

Когда Нина Петровна проходила мимо дома Шляпиных, хозяева или кто-нибудь из соседей тоже замечали её.

— Держитесь, Нина Петровна! — говорили они. — Здоровья вам!

Старушка всегда искренне улыбалась.

— Спасибо большое. И вам здоровья.

— Как ноги сегодня?

— Потихоньку... Главное — не останавливаться.

— Правильно, ходите.

— Хожу, — тихо отвечала она. — Пока могу, буду ходить.

После этого она ещё немного стояла, отдыхая, а затем медленно поворачивалась домой. Обратная дорога всегда казалась самой трудной.

Сил почти не оставалось. Руки уставали держать ходули, ноги начинали дрожать, а дыхание становилось тяжелее.

Но она никогда не позволяла себе подумать, что всё это напрасно. Каждый раз она вспоминала врача.

«Пока вы ходите — ваши ноги живут».

Эти слова стали для неё почти правилом жизни.

Возвращаясь домой, Нина Петровна ощущала приятную усталость. Она знала, что сегодня снова выполнила своё маленькое обещание самой себе.

Закрыв за собой калитку, она ставила ходули возле крыльца, садилась на лавочку и несколько минут отдыхала.

Потом медленно заходила в дом, наливала себе стакан воды или чашку тёплого травяного чая и с облегчением улыбалась.

— Ну вот... И сегодняшней день не пропустила, — тихо говорила она.

Такие прогулки были для неё не просто дорогой от одного дома к другому. Они стали символом её борьбы за самостоятельность, за возможность жить в собственном доме и не становиться обузой для дочери.

В одну из суббот, как и всегда, Кира приехала к матери ещё до обеда. Машина остановилась возле старенького дома, и Нина Петровна, услышав знакомый звук двигателя, сразу улыбнулась.

— Кирочка приехала... — тихо сказала она самой себе.

Дочь вошла во двор с большими пакетами в руках.

— Мамочка! — радостно позвала она.

— Доченька моя! — Нина Петровна тепло улыбнулась и осторожно поднялась ей навстречу.

Кира крепко обняла мать, поцеловала её в щёку и внимательно посмотрела в лицо.

— Ну, рассказывай, как ты тут без меня? Не болела?

— Да всё хорошо, не переживай.

— Давление измеряешь?

— Каждый день.

— Таблетки пьёшь?

— Конечно.

Кира облегчённо улыбнулась.

— А гулять не перестала?

Нина Петровна словно оживилась.

— Нет, что ты! Я теперь даже свой маршрут придумала.

— Правда? Какой? — с интересом спросила Кира.

Старушка присела на лавочку возле дома, а дочь устроилась рядом.

— Сначала выхожу из дома и иду в сторону Кузнецовых. Там немного постою, отдохну, потом разворачиваюсь и иду до дома Шляпиных. Там тоже немного передыхаю, а потом уже возвращаюсь домой.

Кира внимательно слушала мать.

— И далеко получается?

Нина Петровна улыбнулась.

— Для молодых, может, и недалеко. А для меня теперь это целое путешествие.

Обе тихонько засмеялись.

— Доктор ведь сказал каждый день ходить, вот я и придумала себе такой путь. Не слишком длинный, но и не совсем короткий.

— Молодец, мамочка, — с гордостью сказала Кира. — Я так за тебя рада.

Нина Петровна слегка смутилась.

— Сначала было очень тяжело. Иногда хотелось обратно домой повернуть. Ноги болели ужасно.

— Верю...

— Но потом привыкла. Теперь уже самой легче становится. Если один день не выйду, сразу чувствую, что ноги будто ещё тяжелее становятся.

Кира взяла мать за руку.

— Ты всё правильно делаешь. Я так переживала, что ты перестанешь ходить.

— Нет, доченька. Пока могу — буду ходить.

Помолчав немного, Нина Петровна вдруг улыбнулась ещё шире.

— А знаешь, какие у меня соседи хорошие?

— Какие? — спросила Кира.

— Очень приветливые. Каждый день здороваются.

— Правда?

— Конечно. Прохожу мимо Кузнецовых, а они обязательно скажут: «Здравствуйте, Нина Петровна! Опять на прогулке?» Я им отвечаю: «Врачи велели ходить». А они мне всегда говорят: «И правильно. Ходите. Здоровья вам».

Кира улыбнулась.

— Как приятно такое слышать.

— Потом дохожу до Шляпиных. Они тоже никогда мимо не проходят. Всегда пожелают здоровья, спросят, как ноги.

Нина Петровна говорила об этом с такой искренней радостью, словно рассказывала о родных людях.

— Знаешь, доченька, доброе слово иногда лечит не хуже лекарств.

Кира кивнула.

— Это правда.

— Бывает, пока дойду, уже совсем устану. А кто-нибудь улыбнётся, пожелает здоровья, и будто силы появляются идти дальше.

Кира с теплотой посмотрела на мать.

— Значит, у тебя замечательные соседи.

— Очень хорошие люди. Добрые. Мне с ними повезло.

Дочь улыбнулась.

— Мамочка, я очень рада, что рядом с тобой живут такие люди. Мне теперь намного спокойнее уезжать домой, когда знаю, что вокруг есть неравнодушные соседи.

Нина Петровна согласно кивнула.

— Конечно. Если вдруг что случится, всегда помогут.

Кира искренне верила словам матери. За все годы она ни разу не замечала, чтобы соседи относились к Нине Петровне плохо. Наоборот, каждый раз, когда приезжала, слышала, как люди приветствуют старушку, улыбаются ей и желают здоровья.

Через некоторое время Кира сказала:

— Мам, давай испечём пирожков.

— Зачем?

— Хочу соседей угостить.

Нина Петровна удивлённо посмотрела на дочь.

— За что?

— За то, что они так тепло относятся к тебе. Мне очень приятно, что тебя здесь поддерживают.

Старушка растрогалась.

— Ой, Кирочка...

Они вместе замесили тесто, приготовили начинку и испекли целую большую тарелку румяных пирожков.

Когда выпечка немного остыла, Кира аккуратно разложила её по небольшим пакетам.

— Пойдём, мам.

Они сначала подошли к дому Кузнецовых.

Мария открыла калитку и удивлённо посмотрела на гостей.

— Ой, здравствуйте!

Кира приветливо улыбнулась.

— Здравствуйте. Это вам.

— Нам?

— Да. Мама рассказывала, что вы каждый день поддерживаете её, желаете здоровья, интересуетесь, как она себя чувствует. Спасибо вам большое за такое отношение.

Мария немного смутилась.

— Да что вы... Не за что.

— Для нас это очень важно, — сказала Кира. — Спасибо, что не оставляете её без доброго слова.

Потом они отправились к Шляпиным.

Ирина тоже удивилась неожиданному визиту.

— Добрый день.

— Здравствуйте, — сказала Кира. — Это вам небольшое угощение.

— Ой... Спасибо.

— Мама очень тепло о вас говорит. Рассказывает, что вы всегда поддерживаете её во время прогулок, желаете здоровья. Спасибо вам за доброту.

Ирина улыбнулась.

— Да разве трудно сказать человеку доброе слово?

Когда они возвращались домой, Нина Петровна была по-настоящему счастлива.

— Видишь, какие хорошие люди у нас живут?

Кира обняла мать за плечи.

— Вижу, мамочка. И я очень надеюсь, что они всегда будут такими же добрыми.

Так и продолжала жить Нина Петровна. Каждое её утро начиналось с измерения давления и приёма лекарств, а ближе к обеду наступало время обязательной прогулки по привычному маршруту — от дома Кузнецовых до дома Шляпиных и обратно. Она по-прежнему радовалась каждому доброму слову соседей, была благодарна врачам за правильный совет и верила, что движение помогает ей сохранять здоровье и самостоятельность. Жизнь текла спокойно и размеренно, и казалось, что ничто не предвещало беды, которая совсем скоро навсегда изменит судьбу Нины Петровны и всего посёлка.

Глава 3

Нина Петровна уже несколько месяцев каждый день ходила одним и тем же маршрутом. За это время дорога стала для неё почти родной. Она знала каждую неровность на тропинке, каждый старый забор, каждое дерево и каждый куст, мимо которых проходила. Этот небольшой путь давно перестал быть для неё просто врачебной рекомендацией. Он стал частью её жизни.

Дойдя до дома Кузнецовых, Нина Петровна обычно ненадолго останавливалась. Она осторожно опиралась на ходули, переводила дыхание и, улыбаясь, выглядывала через забор.

— Может, Мария во дворе... Или Алёша что-нибудь ремонтирует... Хоть словом перекинуться, — думала она.

Но чаще двор был пуст.

Тогда старушка тихонько вздыхала.

— Наверное, заняты... Работы много. Молодым всегда некогда.

Она никогда не обижалась. Наоборот, старалась найти оправдание каждому человеку.

— Ничего, в другой раз увидимся.

Постояв ещё немного, Нина Петровна продолжала путь.

Иногда её внимание привлекали птицы. Воробьи шумно прыгали возле дороги, голуби важно расхаживали по улице, а на высоком дереве весело щебетали синицы.

Она подолгу наблюдала за ними.

— Ишь какие хлопотуны... С утра до вечера всё что-то делают, — улыбалась она.

Птицы совсем не боялись старушки. Некоторые подпрыгивали совсем близко, словно тоже привыкли видеть её каждый день.

— Живите долго, мои хорошие... Хоть вы радуете старые глаза.

Она любила такие минуты. Пока птицы суетились возле неё, Нина Петровна забывала о боли в ногах.

Иногда она специально задерживалась возле дерева чуть дольше. Не только потому, что отдыхала. Ей просто нравилось смотреть на жизнь вокруг себя.

Ветер тихо качал листья, где-то лаяла собака, вдали мычала корова, а над крышами кружили ласточки.

— Красота-то какая... — тихо говорила она. — Господи, спасибо ещё за один день.

Когда на улице никого не было, одиночество ощущалось особенно сильно. Тогда Нина Петровна иногда начинала разговаривать сама с собой.

— Ну что, Нина Петровна... устала?

Она сама же себе тихо отвечала:

— Устала немного... Но ничего, ещё дойдём.

Потом снова улыбалась.

— Не раскисай. Доктор сказал ходить — значит, будем ходить.

Иногда она вспоминала покойного мужа.

— Вот был бы ты сейчас рядом... Посмеялся бы надо мной. Сказал бы: «Опять свою дистанцию наматываешь».

На лице появлялась грустная улыбка.

— Эх... Скучаю я по тебе...

Порой её мысли обращались и к дочери.

— Кирочка опять будет переживать. Скажет: «Мамочка, только не бросай прогулки». Не брошу, доченька... Пока ноги держат, буду ходить.

Эти маленькие разговоры помогали ей не чувствовать себя одинокой. Она не считала это чем-то странным.

— Когда человек всю жизнь жил в семье, а потом остаётся один, иногда очень хочется просто услышать человеческий голос, — думала она. — Пусть даже свой собственный.

Постояв несколько минут, она снова бралась за ходули.

— Ну что... Пошли дальше.

И медленно продолжала путь.

Каждый её шаг был нелёгким, но вместе с этим шагом она словно убеждала себя, что жизнь продолжается.

Она очень надеялась, что однажды, проходя мимо, всё-таки встретит кого-нибудь из соседей.

«Посидели бы пять минут... Поговорили о погоде, о цветах, о внуках... Старому человеку много не нужно. Иногда достаточно одного доброго разговора, чтобы целый день на душе было тепло», — думала Нина Петровна.

Она даже не подозревала, что со стороны её безобидные остановки, долгие взгляды через забор, разговоры с самой собой и желание хоть с кем-нибудь перекинуться несколькими словами уже начинают вызывать у некоторых соседей совсем другие мысли. Пока она искала обычного человеческого общения, кто-то молча наблюдал за ней и постепенно видел в этих простых поступках то, чего на самом деле никогда не существовало.

Однажды, ближе к обеду, Мария Кузнецова занималась домашними делами. Она вымыла посуду, покормила кур, поставила вариться обед и, проходя мимо окна, машинально выглянула на улицу.

В этот момент по дороге медленно шла Нина Петровна.

Как обычно, она дошла до забора Кузнецовых, остановилась, тяжело опёрлась на ходули и осторожно заглянула во двор.

Мария невольно задержала взгляд.

«Что она там высматривает?» — мелькнула у неё мысль.

Во дворе никого не было. Нина Петровна ещё несколько секунд смотрела через забор, словно надеялась увидеть кого-нибудь из хозяев, потом тихонько вздохнула и медленно пошла дальше.

Мария ничего не сказала. Она лишь отошла от окна и продолжила заниматься своими делами.

На следующий день ситуация повторилась. В то же самое время Нина Петровна вновь появилась возле их дома, остановилась у забора и ненадолго заглянула во двор.

Мария снова наблюдала за ней из-за занавески.

«Опять пришла...» — подумала она.

Через несколько дней женщина стала замечать и другие странности, как ей тогда показалось.

Иногда старушка неожиданно останавливалась посреди дороги и что-то тихо говорила. Мария не могла расслышать слов. Из окна казалось, будто Нина Петровна разговаривает сама с собой.

Затем старушка поднимала голову и долго смотрела куда-то вверх — на деревья или в небо, — после чего снова отправлялась дальше.

Порой она задерживалась возле дерева на несколько минут, наблюдая за птицами. Мария не знала, что Нина Петровна просто отдыхает и любит их.

Из окна всё выглядело совсем иначе.

Женщина начала всё чаще обращать внимание именно на эти мелочи. Раньше они казались ей обычными, но теперь почему-то всё сильнее задерживались в памяти.

Прошла ещё неделя, и Мария сама не заметила, как у неё появилась новая привычка. Ближе к обеду она всё чаще подходила к окну и выглядывала на улицу, словно чего-то ожидала.

Она и сама не могла объяснить, почему делает это каждый день. Никто её не звал, никаких особых событий не происходило, однако примерно в одно и то же время её взгляд сам собой устремлялся на дорогу.

Вскоре там неизменно появлялась Нина Петровна.

Старушка медленно шла, осторожно переставляя ходули. Дойдя до забора Кузнецовых, она ненадолго останавливалась, чтобы перевести дыхание. Затем, слегка опираясь на ходули, заглядывала во двор, словно надеялась увидеть кого-нибудь из хозяев.

Постояв немного и никого не встретив, она спокойно отправлялась дальше.

Мария молча следила за ней из окна. Она и сама не понимала, почему обычная прогулка пожилой соседки стала так привлекать её внимание.

Казалось бы, ничего необычного не происходило, но внутри появлялось какое-то странное чувство, которое женщина не могла объяснить даже самой себе.

Постепенно Мария поймала себя на мысли, что ей уже не хочется выходить во двор именно в это время. Если раньше она без всяких раздумий здоровалась с Ниной Петровной, спрашивала о самочувствии или желала здоровья, то теперь ей почему-то хотелось избежать этой встречи.

Она предпочитала остаться дома и дожидаться, пока старушка пройдёт мимо, а уже потом выходить заниматься своими делами.

При этом Мария прекрасно понимала, что Нина Петровна никогда не сделала ей ничего плохого. Старушка ни разу не сказала грубого слова, не ссорилась с соседями, не вмешивалась в чужие дела и всегда была вежливой.

Никаких причин опасаться её или испытывать неприязнь не существовало.

И всё же день за днём Мария всё чаще оказывалась у окна, наблюдая за пожилой женщиной.

Иногда Нина Петровна задерживалась возле забора немного дольше. Она внимательно смотрела во двор, словно надеялась увидеть знакомые лица и перекинуться с кем-нибудь парой слов.

Затем её взгляд мог остановиться на деревьях. Она подолгу следила за птицами или тихо разговаривала сама с собой, подбадривая себя в дороге.

Всё это Мария видела только из окна и не слышала ни единого слова, поэтому многие поступки старушки оставались для неё непонятными.

Она никому не рассказывала о своих наблюдениях. Ни мужу, ни соседям, ни подругам. Да и рассказывать, по большому счёту, было нечего.

Пожилая женщина просто каждый день выходила на прогулку, ненадолго останавливалась возле их дома, смотрела через забор, отдыхала, любовалась птицами, иногда что-то тихо произносила и снова продолжала свой путь.

Любой человек со стороны сказал бы, что в этом нет ничего необычного.

Однако именно эта необъяснимая повторяемость начала тревожить Марию.

День за днём она замечала одни и те же действия, и постепенно в её голове стали возникать вопросы, на которые она не находила ответов.

Почему Нина Петровна всегда подходит именно к их дому? Почему появляется почти в одно и то же время? Почему останавливается возле забора и так внимательно смотрит во двор? Что она хочет увидеть или кого ждёт?

Мария пыталась убедить себя, что всё это обычное совпадение и что старушка, вероятно, просто отдыхает после тяжёлой ходьбы.

Но мысли возвращались снова и снова.

Они ещё не превращались в подозрения и тем более не были обвинениями, однако где-то глубоко внутри уже поселилось необъяснимое беспокойство, которое с каждым новым днём становилось всё сильнее.

Мария никого ни в чём не обвиняла и старалась отгонять от себя тревожные мысли.

Но сама того не замечая, она всё чаще воспринимала Нину Петровну уже не просто как добрую соседку, а как человека, чьё поведение ей становилось всё труднее понять.

Именно с этих молчаливых наблюдений, ещё не подкреплённых никакими разговорами и слухами, начали рождаться первые сомнения, которым вскоре было суждено перерасти во что-то гораздо более страшное.

Почти в то же самое время похожие мысли начали появляться и у Ирины Шляпиной.

Каждый день ближе к обеду она была занята привычными делами. То кормила птицу, то убирала во дворе, то работала в огороде. Именно в эти часы Нина Петровна обычно доходила до их дома.

Поначалу Ирина не придавала этому никакого значения.

Старушка медленно подходила к калитке, останавливалась, чтобы перевести дух, опираясь на ходули и несколько секунд смотрела через забор.

Если Ирина выходила во двор, они обязательно здоровались.

— Здравствуйте, Нина Петровна.

— Здравствуй, Ирочка. Как дела?

— Потихоньку.

— Ну и слава Богу.

Перекинувшись несколькими словами, старушка шла дальше.

Но однажды Ирина не вышла во двор.

Она находилась дома и случайно заметила Нину Петровну через окно.

Старушка, как обычно, подошла к забору, остановилась и заглянула во двор.

Ирина осталась стоять за занавеской, внимательно наблюдая за ней.

Сначала ей показалось совершенно естественным, что пожилая соседка остановилась возле их забора.

«Наверное, хочет поздороваться», — мелькнула у неё мысль.

Она уже собиралась выйти, но почему-то передумала. Сама не понимая причины, Ирина осталась дома и продолжила смотреть через окно.

Постояв ещё немного и никого не дождавшись, Нина Петровна тяжело вздохнула, крепче взялась за ходули и медленно продолжила свой путь.

На следующий день произошло почти то же самое.

Ближе к обеду старушка снова появилась на дороге, дошла до дома Шляпиных и остановилась возле забора. Как будто надеясь увидеть хозяев, она заглянула во двор.

Ирина опять молча наблюдала за ней из-за занавески, но выходить не стала.

Через несколько минут Нина Петровна спокойно пошла дальше, а Ирина ещё долго стояла у окна, сама не понимая, почему эта сцена так задержалась в её памяти.

Прошло ещё несколько дней, и Ирина неожиданно для самой себя заметила, что уже ждёт этого времени.

Когда стрелки часов приближались к обеду, она почти машинально подходила к окну и бросала взгляд на дорогу.

Вскоре там появлялась знакомая фигура.

Нина Петровна медленно переставляла ходули, делая короткие осторожные шаги. Добравшись до дома Шляпиных, она ненадолго задерживалась и внимательно смотрела через забор.

Казалось, старушка искала глазами хоть кого-нибудь, с кем можно было бы перекинуться несколькими словами.

Однако двор чаще всего оставался пустым.

Немного постояв, Нина Петровна переводила дыхание и продолжала свой привычный маршрут.

Ирина стала замечать не только эти остановки возле их дома, но и другие особенности поведения пожилой соседки.

Иногда Нина Петровна отходила чуть дальше и надолго задерживалась возле старого дерева, внимательно наблюдая за птицами, которые прыгали по траве или сидели на ветках.

Порой она поднимала голову к небу, словно любовалась облаками, а иногда тихо произносила какие-то слова.

Из окна невозможно было разобрать, что именно она говорит, поэтому со стороны складывалось впечатление, будто старушка разговаривает сама с собой.

Бывало, она просто неподвижно стояла несколько минут, а затем так же спокойно продолжала идти дальше.

С каждым днём Ирина всё чаще ловила себя на мысли, что внимательно следит именно за этими остановками.

Ей становилось непонятно, почему Нина Петровна так часто задерживается возле их дома, зачем подолгу смотрит через забор и что именно пытается увидеть.

Иногда в голове сами собой возникали вопросы:

«Что она всё время высматривает?»

«Почему всегда останавливается именно здесь?»

Однако почти сразу Ирина старалась прогнать эти мысли, убеждая себя, что старушка, наверное, просто отдыхает после тяжёлой ходьбы или надеется встретить кого-нибудь из соседей.

Но очередной день приносил всё ту же картину, и вопросы снова возвращались.

Ирина никому ничего не рассказывала. Даже мужу Ивану она не говорила о своих наблюдениях, потому что сама понимала: в сущности, обсуждать было нечего.

Нина Петровна не заходила к ним во двор, не открывала калитку, не звала хозяев и не делала ничего предосудительного.

Она лишь ненадолго задерживалась возле забора, смотрела по сторонам, отдыхала и спустя несколько минут уходила дальше.

И всё же постепенно Ирина стала замечать, что её отношение к этим встречам меняется.

Когда приближалось время прогулки Нины Петровны, ей уже не хотелось выходить во двор и здороваться, как раньше.

Она предпочитала остаться дома, тихо подойти к окну и наблюдать за происходящим из-за занавески.

Почему она так поступала, Ирина объяснить не могла.

Возможно, это было обычное любопытство. А может быть, где-то глубоко внутри уже зарождалось необъяснимое чувство тревоги, которому она пока не могла дать никакого разумного объяснения.

Так продолжалось достаточно долго.

День за днём Ирина молча наблюдала за Ниной Петровной, а старушка, ничего не подозревая, продолжала свой привычный маршрут, надеясь лишь встретить кого-нибудь из соседей и перекинуться с ними несколькими добрыми словами.

Мария Кузнецова ничего не знала о наблюдениях Ирины.

Ирина ничего не знала о мыслях Марии.

Каждая из них молча хранила свои сомнения при себе, не понимая, что видит перед собой всего лишь одинокую пожилую женщину, которой очень не хватало простого человеческого общения.

Но именно это молчаливое наблюдение, повторявшееся изо дня в день, незаметно меняло их отношение к Нине Петровне.

Из маленьких вопросов постепенно рождалось недоверие, а недоверие, оставшееся без объяснений, уже начинало искать собственные ответы.

Когда в очередные выходные Кира приехала к матери, они, как всегда, сидели на кухне за небольшим круглым столом.

На столе стоял горячий чай, домашнее варенье и свежие пирожки, которые Кира привезла из города.

За окном светило тёплое солнце, а в доме было тихо и спокойно.

Кира с улыбкой посмотрела на мать.

— Ну, мамочка, рассказывай, как прошла неделя. Ходила гулять?

Нина Петровна кивнула.

— Конечно, ходила. Каждый день ходила.

— Молодец. И ноги как?

— Потихоньку. Болят, конечно, но я всё равно хожу. Пока двигаюсь — значит, живу.

Кира улыбнулась.

— Правильно.

Нина Петровна на несколько секунд задумалась, а потом тихо сказала:

— Только знаешь... скучновато стало.

— Почему? — удивилась дочь.

Старушка вздохнула и посмотрела в окно.

— Людей почти не вижу.

— Как это?

— Раньше хоть иногда кто-нибудь во дворе был. Поздороваемся, словом перекинемся. А сейчас будто все исчезли.

Кира внимательно слушала.

— Прохожу мимо Кузнецовых — никого. До Шляпиных дохожу — тоже пусто. Иногда кажется, что весь посёлок вымер.

Она грустно улыбнулась.

— Наверное, просто не совпадаем по времени.

Кира попыталась её поддержать.

— Конечно. Люди работают, дел много.

— Да я понимаю, доченька, — спокойно ответила Нина Петровна. — Молодые ведь. У каждого своё хозяйство, работа, заботы. Им некогда со старухой разговаривать.

Она сказала это без обиды. Скорее с пониманием.

— Иногда подойду к забору, посмотрю... Может, кто-нибудь выйдет. Хоть две минутки поговорить.

Кира взяла мать за руку.

— Тебе одиноко?

Нина Петровна ненадолго замолчала, задумчиво посмотрела в окно, за которым тихо шелестели листья деревьев, а потом мягко улыбнулась, словно не хотела, чтобы дочь заметила её грусть или начала ещё сильнее переживать за неё.

— Бывает, доченька, — спокойно сказала она. — Что поделаешь, у каждого своя жизнь.

Она говорила тихо и без всякой обиды, будто давно смирилась с тем, что мир вокруг изменился.

Немного помолчав, Нина Петровна снова заговорила:

— Знаешь, человеку в моём возрасте уже не так много нужно для счастья. Иногда достаточно, чтобы кто-нибудь остановился, улыбнулся, спросил: «Как дела, Нина Петровна?» — и на душе сразу становится светлее. Доброе слово ведь тоже лечит, не хуже лекарства.

Кира внимательно слушала мать, и с каждым её словом сердце всё сильнее сжималось от боли.

Она прекрасно понимала, что Нине Петровне не хватает вовсе не денег и не помощи по хозяйству. Ей было нужно самое простое — человеческое общение, несколько тёплых слов и ощущение, что она по-прежнему нужна людям.

— Мамочка, — тихо сказала Кира, — может, ты будешь чаще звонить мне? Если тебе одиноко или просто захочется поговорить, не молчи.

Нина Петровна ласково посмотрела на дочь и покачала головой.

— Да что я буду тебя отвлекать? Ты работаешь, у тебя свои заботы, дела. Не хочу лишний раз беспокоить.

— Мам, для тебя у меня всегда найдётся время, — уверенно ответила Кира. — Какая бы занятая я ни была, я всегда возьму трубку.

Старушка с нежностью погладила дочь по руке и благодарно улыбнулась.

— Я знаю, моя хорошая. Ты и так обо мне столько заботишься, что мне иногда даже неловко становится. Приезжаешь каждые выходные, лекарства покупаешь, продукты привозишь, переживаешь за меня. Не хочу, чтобы ты ещё и из-за каждого моего звонка волновалась.

Она снова перевела взгляд на окно и тихо продолжила:

— Иногда во время прогулки останавлиюсь возле забора, постою немного. Думаю, может, кто-нибудь во двор выйдет, поздоровается, перекинемся парой слов. А никого нет. Тогда постою ещё чуть-чуть и дальше иду.

Кира грустно улыбнулась, понимая, что именно происходит в такие моменты.

— Ты просто очень любишь людей, мама.

— Конечно, люблю, — с теплотой ответила Нина Петровна. — Я ведь всю жизнь среди людей прожила. Раньше всё было по-другому. Соседи могли подолгу стоять возле забора, разговаривать обо всём на свете, угощали друг друга пирогами, приглашали на чай, делились новостями и помогали, если кому-то было трудно.

Она ненадолго задумалась.

— Никто никуда не спешил, и каждому находилось доброе слово. А сейчас все заняты, всё время куда-то торопятся, работают, устают. Молодёжь уже совсем иначе живёт.

Она тяжело, но спокойно вздохнула.

— Наверное, время такое стало, и сердиться на людей за это нельзя.

— Может быть, — тихо согласилась Кира, хотя ей всё равно было жаль мать.

После небольшой паузы Нина Петровна неожиданно улыбнулась и, словно признаваясь в маленькой тайне, сказала:

— Иногда я даже сама с собой разговариваю. Так веселее идти, а то вокруг тихо-тихо, и кажется, будто вся улица уснула.

Кира невольно рассмеялась.

— И о чём же ты разговариваешь?

Старушка тоже засмеялась своим тихим, добрым смехом.

— Да обо всём понемножку. Иногда скажу себе: «Ну что, Нина Петровна, молодец, ещё немного осталось пройти». Иногда похвалю себя за то, что всё-таки вышла из дома, хотя ноги болели сильнее обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.